

А. К. Матвеев

КОСТРОМСКОЕ АНДОБА
(к мерянской этимологии)

В исследовании, посвященном реконструкции мерянского языка [1], часто упоминается наименование небольшого левого притока Костромы — реки *Андоба*. Этот субстратный гидроним сопоставляется с фин. *antava* «дающий» от *antaa* «давать», эст. *andev* «дающий» от *andma* «давать», морд. *андомс* «кормить» и т. п. финно-угор. **amta* «давать», восстанавливается в виде **anDoBa* со значением «кормящий (-ая), дающий (-ая)» и квалифицируется как мерянский [2]. В дальнейшем название *Андоба* приводится как

пример мерянского звукотипа *a* в первом слоге, соответствия русск. *b* = мерян. *B* = фин. *v*, употребления полузвонкого *D*, перехода праязыкового **r* в середине слова в соответствующий фрикативный (ср. фин. *antava* **antapa*), звукотипа *n*, причастия с суффиксом *-*Va*, точного грамматического соответствия (*-*Va* = -*va* *-*pa*) прибалтийско-финским языкам (а это важно для того, чтобы показать связь мерянского языка прежде всего с прибалтийско-финскими языками [3]), наконец, обозначения одного из элементарных явлений жизни — глагола «кормить < давать», рассматриваемого в составе финно-угорского слоя мерянской лексики [4]. Попутно уточняется исходная семантика гидронима, который толкуется «кормящий реку своими водами» как «наиболее вероятная для речного притока» [5].

Таким образом, *Андоба* — одно из ключевых слов книги, этимологическая надежность которого, по-видимому, считается очень высокой. Этому способствовала, конечно, и его звуковая близость прибалтийско-финским данным.

Название *Андоба* считается мерянским в соответствии с установкой, что все субстратные явления в пределах исторических мерянских земель следует считать мерянскими [6]. Однако почти на любой территории может быть обнаружен различный по происхождению субстрат, адстрат, а иногда и суб-субстрат. Костромская земля, расположенная между Волго-Окским междуречьем и Русским Севером, не является исключением. Поэтому здесь и находят многочисленные параллели как для волго-окских, так и для севернорусских топонимов, прежде всего гидронимов. Но именно топоноснова *анд-* совершенно не представлена в Волго-Окском междуречье, где был основной массив исторических мерянских земель (современные Владимирская, Ивановская и Ярославская области), и, напротив, обычна в топонимии Русского Севера. Особенно много таких названий в юго-западной части севернорусского региона между Онежским озером и Пошехоньем, т. е. в Белозерском крае и сопредельных с ним землях. Здесь находим реки *Андога*, *Андома*, *Андобой*, *Андушка*, *Андебка* (деревня *Андеба*), озера *Андозеро* и *Андомазеро*, село *Андопал* (*Андобал*), урочище (остров леса в болоте) *Андосолово*. Однако названия с основой *анд-* встречаются и на севере Архангельской области между низовьями Онеги и Северной Двины — река *Анда* и три *Андозеро* (в Онежском, Приморском и Холмогорском районах), в бассейне Ваги — река *Андова*, а также на крайнем юго-востоке Вологодской области в бассейне Юга, где засвидетельствованы три реки с наименованием *Анданга*. Может быть, к названиям этого рода относятся и зафиксированные далеко на северо-востоке в Республике Коми наименования селения *Андег* и реки *Андюга* (бассейн Печоры).

На фоне многочисленных географических названий с топоносновой *анд-*, ареал которых охватывает почти весь Русский Север, костромское *Андоба*, находящееся на северной периферии исторической мерянской территории, закономерно воспринимается как южное продолжение. Соответственно топоноснова *анд-* должна считаться специфичной для субстратной топонимии Русского Севера. Это подтверждает со своей стороны и прямая аналогия костромскому *Андоба* в белозерском топониме *Андеба* [7]. Учитывая географию названий с топоносновой *анд-* и сочетаемость этой основы с различным

субстратными топоформантами, можно высказать и некоторые другие соображения.

Во-первых, единичность фиксации топоосновы *анд-* на исторической мерянской территории и связь этой топоосновы с Русским Севером не позволяют безоговорочно относить ее к мерянским. А если все-таки признать эту топооснову мерянской, то придется допустить раннюю колонизацию чуть ли не всей территории Русского Севера собственно мерянами, что вызывает определенные сомнения [8].

Во-вторых, нельзя исключить принадлежность этой топоосновы севернофинским языкам [9], степень родственных отношений которых с мерянским пока не установлена. Одни топоформанты указывают на саамские связи топоосновы (*-бой* в *Андбой* — саам. *vuaj*, *vuoj* «ручей», *-солово* в *Андсолоро* — саам. *suolo* «остров»), другие — на мерянские (*-пал*, *-бал* в *Андпал*, *Андбал* — мерян. *-бал*, *-пал*, *-бол*, *-пол*).

Таким образом, в настоящее время по данным формального анализа и лингвистической географии невозможно ни принять, ни отвергнуть мерянское происхождение названия *Андоба*. Уже одно это обстоятельство делает нецелесообразным его использование на современном этапе реконструкции мерянского языка. Кроме того, если не будут обнаружены новые факты, топооснова *анд-* окажется в числе недифференцирующих мерянский и севернофинский материал, а это со своей стороны затруднит идентификацию гидроним *Андоба* как факта мерянской топонимии.

Обратимся теперь к вопросу об этимологической интерпретации названия *Андоба*.

Топооснова *анд-* привлекла внимание А. И. Соболевского, который в духе своей «скифской» концепции сравнивал гидронимы *Андога*, *Андоба* с древнеиндийским *andha-*, древнебактрийским *anda* «темный, слепой» [10]. Однако финно-угорское происхождение этих топонимов совершенно очевидно.

Сопоставление с финским материалом впервые осуществлено для названия *Андозеро* А. Алквистом (фин. *Antojarvi*) [11], а для гидронима *Андоба* Н. И. Богдановым (вепс. *antta* «давать», *андом* «даяние, дар, подарок») [12]. Следует упомянуть также о разысканиях Л. Л. Трубе, который сравнивал наименование реки *Анда* (бассейн Суры на крайнем юго-востоке Нижегородской области) с мордовским *андома* «кормление», толкуя гидроним «кормящая» и объясняя появление этого названия наличием богатых диким медом бортных лесов, используемых местной «айндосовской мордвой» [13]. Сурская *Анда*, возможно, относится к числу древних финно-угорских названий, однако ее связь с мерянским и севернофинским ареалами, а также непосредственно с мордовскими данными очень проблематична.

Предложенная этимология (*Андоба* — фин. *antava* и т. п.) приемлема в основном с фонетической стороны, так как *v* — *b* и *t* — *d* легко объясняются спецификой звуков языка-источника — билабиального *B* и медиального *D*. Сложность представляет двоякая рефлексия субстратного *a* (*a* в первом слове, *o* — во втором), но появление *o* можно было бы объяснить выравниванием по топонимическим моделям *-оба*, *-еба*, *-ома*, *-ема* и т. п.

Намного больше трудностей создает семантический план. Прежде всего следует отклонить такое уточнение семантики гидронима, как «кормящая (реку своими водами)», поскольку любой приток реки «кормит» ее, а кроме того, существуют два *Андозера* без притока (истока) с наименованием *Анда*. Во всяком случае, эта семантическая модель не может реализоваться в высокочастотных топоосновах типа *анд-*, тем более, что на богатом водами Русском Севере широко распространены менее изошренные семантемы «водяной» и «мокрый» (особенно как противопоставленные «сухой»), и это хорошо подтверждает финно-угорский и славянский материал.

Другой потенциальный вариант этой семантической модели («река кормящая (человека, людей)») при всей его кажущейся привлекательности также очень уязвим из-за высокой частотности топоосновы, и вследствие распространенности в русской и финно-угорской топонимии близких семантем — «рыбная (река)», «мясная (река)» и т. п. На территории Русского Севера, где обычны русские кальки финно-угорских названий, до сих пор не засвидетельствовано ни одной реки *Кормящая*. Правда, для русской топонимии причастия нехарактерны, но и субстантивные эквиваленты типа *Кормилица* ни разу не зафиксированы в гидронимии этого обширного региона, хотя и встречаются изредка как обозначения малых объектов, особенно лугов и полей (*Кормежка, Кормилиха, Кормилица, Кормище, Кормовище, Кормуша* и т. п.). В современной финно-угорской гидронимии основу *анд-* со значением «кормить» также не удалось обнаружить. Нашлось только одно близкое в звуковом отношении наименование небольшой реки *Андамслэй* [14], явно мордовское, если судить по топоформанту *-лэй* («река») и местонахождению (бассейн Мокши), но и это название очень походит на топонимическое производное от какого-то мордовского личного имени типа *Арземас, Качемас, Пинемас* [15], *Вечкомас, Инемас, Полдомас* [16] и т. п.

Разумеется, учитывая особенности древнего быта и мировосприятия, можно предположить, что модель «дающая (река)», «кормящая (река)» существовала в субстратных финно-угорских языках, хотя ее наличие не подтверждается современным топонимическим материалом. Но необходимы доказательства этого. И уж во всяком случае не следовало использовать не вполне ясные факты при характеристике звукового состава, грамматики и лексики восстанавливаемого мерянского языка. Если даже допустить, что топооснова *анд-* связана с мерянским языком (в этом случае скорее всего одним из севернофинских), то ее исходная семантика пока остается тайной. Есть уверенность только в одном: топооснова *анд-* обозначала нечто весьма важное для жизни древнего населения, так как редкая семантическая модель не могла получить такое распространение в субстратной топонимии.

Анализ топоформанта *-v + ба* дает определенные результаты. Характерны уже данные о частотности и локализации многосложных названий на *-v + ба* (*-оба, -еба*). Эти наименования, во-первых, очень редки, во-вторых, не образуют сколько-нибудь четкого ареала или «рифмованных сегментов», в-третьих, в большинстве случаев, а в Костромском крае, насколько удалось выяснить, всегда, в топооснове имеют консонантную группу *-нд-* или звук *-н-* (ср. костромские гидронимы *Андоба, Кондоба, Сундоба, Тонеба*). Последнее — ключ к пониманию частотной и ареальной специфики топоформанта

-v + ба. Дело в том, что он является фонетической разновидностью широко распространенного топоформанта -v + ма (*Колдома, Костома, Яхрома* и проч.), возникшей уже в русском языке на почве диссимилиации носовых (*н — м н — б*). Это хорошо подтверждается и данными исторических памятников, в которых на территории Костромского уезда упоминается волость *Андома* (XV в.) [17]. Следовательно, несколько веков тому назад костромская *Андоба* была еще *Андомой*, так что о причастии на **Va* (— фин. -*va*) в качестве этимона не может быть и речи. Позволительно усомниться и в особой близости мерянского языка к прибалтийско-финским, во всяком случае по этому показателю, тем более, что все сказанное об *Андобе* — *Андоме* в равной степени относится и к гидрониму *Кондоба*, которому так же приписывается аналогичная структура и семантика «несущий (-ая), приносящий (-ая) (воду в другую реку)» [18].

В методике изучения субстратных географических названий выработан ряд общих положений, с которыми принято считаться в практике топонимического этимологизирования. Таковы, в частности, принципы номинации географических объектов, учет окружения, т. е. топонимического материала с сопредельных территорий, адаптации со стороны усваивающего языка, свидетельств исторических документов. Иначе неизбежно возникает «кабинетная» этимология, которая иногда становится базой для широкомащштабных выводов о тех или иных свойствах восстанавливаемого языка, хотя предложенная реконструкция или крайне проблематична, или вообще является фикцией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ткаченко О. Б. Мерянский язык. Киев, 1985.
2. Там же. С. 47, 132.
3. Там же. С. 189.
4. Там же. С. 47, 62, 65, 68, 82, 116-118, 172, 179.
5. Там же. С. 117, 133.
6. Там же. С. 110, 131.
7. Есть еще гидроним *Андова* (ср. мерян. -**Va*), но он возник скорее всего под влиянием русских названий на -*ова*, -*ева*.
8. Если принять гипотезу финского лексиколога Я. Калимо о массовом переносе мерянских названий на Русский Север в процессе русского освоения этой территории, в котором, может быть, принимали участие и меряне (Kailla J. Aanisien tienoon paikannimia // Virittaja. 1941. 3-4. S. 326-329), то невозможно представить, как на основе единичного костромского гидронима *Андоба* возникли многочисленные и разнообразные по структуре севернорусские названия с топоосновой *анд-*.
9. См.: Матвеев А. К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера // ВЯ. 1969. №5. С. 51-54.
10. Соболевский А. И. Названия рек и озер русского Севера // Известия ОРЯС АН СССР. Том XXXII. Л., 1927. С. 16.
11. Ahlqvist Aug. Kalevalan karjalaisuus. Kalevalasta itsestaan ja muualta. Helsingissa, 1887. S. 25.
12. Богданов Н. И. К истории вепсов (по материалам топонимики) // Известия Карело-финского филиала Академии наук СССР. № 2. 1951. С. 30.
13. Трубе Л. Л. Как возникли географические названия Горьковской области. Горький, 1962. С. 84.

14. С м о л и ц к а я Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976. С. 258.
15. Н а д ь к и н Д. Т. Морфологическое строение мордовских дохристианских личных имен // Ономастика Поволжья. 2. Горький, 1971. С. 76-78.
16. П о п о в А. И. О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования // Этимология 1967. М., 1969. С. 123.
17. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950. С. 76, 78, 87.
18. Т к а ч е н к о О. Б. Указ. соч. С. 48., 68, 116-117, 149.